
Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ

В предлагаемой статье содержатся наблюдения над лексикой говоров трех деревень Велико-Устюгского района Вологодской области (Лодейка Нижне-Ерогодского сельсовета, Будрино Будринского сельсовета, расположенных соответственно на запад и северо-запад от Великого Устюга, а также деревни Пеганово Нижне-Шарденгского сельсовета, расположенной на юг от Великого Устюга).

Большую часть лексики упомянутых деревень (это же характерно и для других говоров русского языка) составляет лексика, известная и литературному языку, то есть лексика, имеющая общерусский характер, общенародное распространение.

Однако, наряду с такой лексикой, изучаемые говоры характеризуются и лексикой специфически диалектной.

Диалектные слова различны по происхождению. Одни из них «восходят, — замечает Ф. П. Филин, — к глубокой индоевропейской древности, другие ко времени общеславянской общности, третьи были общенародными в древнерусскую эпоху и эпоху Московской Руси, а теперь сохранились только в отдельных говорах, имеется также немало новообразований позднего времени. В диалектной лексике значительную прослойку составляют слова, заимствованные на разных этапах истории русского народа местным населением у иноязычных соседей, не получившие общерусского распространения или утратившие свой прежний общерусский характер» (Ф. П. Филин. Словарь русских народных говоров; вып. I; М.—Л., 1965; стр. 5—6).

Значительное место в диалектной лексике занимают общеславянские по происхождению и восточнославян-

ские слова, имевшие в прошлом, как можно предполагать, общенародное распространение, а в настоящее время сохраняющиеся только в отдельных говорах. Эта архаическая лексика, как правило, зафиксированная памятниками древнерусской письменности, и является предметом рассмотрения в данной статье.

Для сопоставления анализируемых диалектных слов с лексикой древнерусского языка использовались «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (СПБ. 1893—1903; М., 1958), а также «Материалы для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина (Изд. АН СССР, 1937); сопоставление с лексикой других славянских языков производилось по соответствующим двуязычным словарям¹⁾; для этимологических целей привлекались материалы этимологических словарей А. Г. Преображенского и М. Фасмера²⁾; изучаемая лексика сравнивалась с лексикой других говоров русского языка по имеющимся областным словарям и исследованиям, содержащим лексический материал³⁾.

В составе диалектной лексики преобладают в наших говорах слова общеславянского происхождения. Таковы, например, следующие слова:

Бадѡгъ — «палка», «посох», «трость»: когда збадогѡм хожу/ тон'э страшно (Лод.). В украинском языке *ба-тиг* — «кнут», «плеть», «плетка» (Грин. 74—75; УРС, 1, 36), «рычаг в ступе для толчения пшена, на который надавливают ногой» (Грин., там же); в польском языке *bat*, *batog* — «бич», «кнут», «плеть» (ПРС, 26); в словенском: *Bat* *) — «булава», «поршень», *Batina* — «дубина», «палка»; ср. в чешском: *batoh* — «заплечный мешок», «ранец» (ЧРС, 27); в сербо-хорватском: *бат* — «молот», «молоток», «язык колокола», *бат* — «топот», «стук, грохот»; *бата* — «палка», «мутовка», *батина* — «палка» (СХРС, 30). В языках древнерусском и старославянском *батогъ* — «палка», «бич» (Преобр., 19). По свидетельству И. И. Срезневского (1, 45), слово фиксируется письменными памятниками с XII в.

Баять — «говорить», «рассуждать»: она́ ходит/ исо-

*) По техническим причинам надстрочные знаки здесь и далее в примерах из словенского, сербо-хорватского и чешского языков не обозначены. В диалектном материале мягкость согласных, в том числе *ц*, перед *и* подстрочным знаком не обозначается.

фс'эми байэт (Лод., Буд.). В украинском языке: *баяти* — «рассказывать», «ворожить» (Грин., 77; УРС, 1, 38); в белорусском *баюн* — «охотник болтать», «сказочник» (Нос., 18); в польском: *bajać* — «рассказывать сказки, небылицы», «говорить вздор» (ПРС, 23); в словенском: *bájati* — «рассказывать басни, сказки, баять»; «пророчить»; «ворожить» (СРС, 2); в сербо-хорватском: *baјati* — «колдовать, ворожить, заговаривать» (СХРС, 27); в болгарском: *бая* — «колдовать, заговаривать, гадать, ворожить» (БРС, 29). В древнерусском языке: *баяти* — «рассказывать басни, выдумки» (Срезн., I, 46).

Братан — «двоюродный брат». Слово отмечено с этим же значением памятниками древнерусской письменности XIII—XIV вв. (Срезн., I, 167). Ср. в украинском языке: *братан* — «племянник» (Грин., 135); в польском: *bratanek* — «племянник» (ПРС, 40); в чешском: *bratranec* — «двоюродный брат» (ЧРС, 43); в словенском: *brátranec* — «двоюродный брат» (СРС, 9); в болгарском: *брàтан* — «братик, братец»; *брата̀нац* — «племянник» (БРС, 49); в сербо-хорватском: *брáта̀нец* — «племянник» (СХРС, 55).

Вехоть — «тряпка для мытья пола». В украинском языке: *вихоть* — «мочалка, употребляемая при мытье посуды, утвари и пр.», «пучок соломы»; «горящий клоч, уносимый ветром с пожара» (Грин., 284; УРС, I, 276); в белорусском: *вэхоць* — «тряпка для вытирания посуды, стола и пр.», «мочалка» (Нос., 49—50); последнее значение у слова *вэхаць* отмечено и Белорусско-русским словарем под редакцией К. К. Крапивы (стр. 151); в чешском языке: *večet* — «пучок (соломы и т. п.)», *večet z лука* — «мочалка» (ЧРС, 751); в польском: *wiechec* — «мочалка», «тряпка», «затычка» (ПРС, 555); в болгарском: *вехторія* — «ветошь», «старая вещь», «древность», ср. *вехт* — «старый», «старинный, древний», «ветхий», «дряхлый», «изношенный» (БРС, 72). В древнерусском и старославянском языках *вехъть* — «кочок соломы», «тряпка», «мочалка» (Преобр., I, 110; Срезн., I, 250). И. И. Срезневский свидетельствует об употреблении слова *вехтъ* в «Повести временных лет» (I, 250).

Веце́ра — «вчера вечером»: она́ ум'эн'а́ в'эц'ора́ была́ (Пег.). В древнерусском языке: *вечерь-вечерь* — «вечер», «вечером» (Срезн., I, 250—251); *вьчера-вчера* — «вчера» (Там же, 476). В украинском языке: *вечір* — «вечер» (Грин., 185; УРС, I, 128); в белорусском: *вчора, учора* —

«вчера» (Нос., 671, БРС, 976); в польском: *wieczor* — «вечер», «вечером» (ПРС, 651); в чешском: *veser* *) — «вечер», «вечером» (ЧРС, 751); в болгарском: *vécher* — «вечер», «вечернее собрание»; *večéria* — «ужин» (БРС, 72); в сербо-хорватском: *večer* — «вечер»; *večera* — «ужин»; *večeras*, *večeraske* — «сегодня вечером»; *večerom* — «вечером» (СХРС, 69).

Гу́бы (только множественное число) — «съедобные грибы, пригодные для засолки»: *йа с'эвóдни загубами* влес ходíла (Буд.); *погубы* пойма́годы хóд'ат (Пер.). Известны и слова, производные от *губы*: *губни́к* — «пирог с грибами» (Лод.); *губни́ца* — «суп из грибов» (Пер.). В украинском языке: *гу́бы* (мн.) — «грибы» (Грин., 377; УРС, 1, 369); в белорусском: *губа́* — «трут» (Нос., 123; БРС, 217). В древнерусском языке слово *губа* имело, по свидетельству И. И. Срезневского (1, 606), ряд значений, среди них и значение «гриб», отмеченное памятниками русской письменности XVI века. В чешском языке: *houba* — «гриб», «грибок», «плесень», «губка» (ЧРС, 154); в польском *hubka* — «трут» (ПРС, 140); в болгарском: *гъба* — «гриб»; «губка» (БРС, 133); в сербо-хорватском: *губа* — «проказа», «лишайник» (нарост на дереве, гриб); «трут» (СХРС, 111).

Жи́то — «хлебные злаки, культуры»: *жы́то* *полóли/ас'эц'ас ниц'эвó н'эпóл'ут*. В современных славянских языках: в белорусском: *жы́то* (*жыто*) — «рожь в колосе и в зерне» (Нос., 156; 269); в украинском: *жы́то* — «рожь», «засеянные рожью поля» (Грин., 528; УРС, 1, 500); в чешском: *zito* — «рожь», «пшеница» — обл. (ЧРС, 829); в польском: *zyto* — «рожь» (ПРС, 657); в сербо-хорватском: *жы́то* — «зерновой хлеб»; «пшеница»; «кутья» (СХРС, 178); в болгарском: *жы́то* — «зерновой хлеб»; «пшеница» (БРС, 201). В древнерусском языке слово *жито* значило, по свидетельству Г. Е. Кочина (стр. 115), «зерновой хлеб», а также «ячмень», «рожь» и даже «лен».

Има́ться — «хвататься», «братся»: *имайс'а зам'эн'а* (Лод.). В белорусском языке: *има́цьца* — «братся», «понимать» (Нос., 224); в украинском: *има́тися* — «ловиться», «держаться», «братся» (Грин., 734); в польском:

*) Чешские и словенские звуки *ч, ш, ж*, а также польский звук *ж* по техническим причинам обозначены соответственно буквами *с, s, z*, выделенными курсивом без надстрочных знаков.

jas *) — «хватать», «брать», «ловить», «начинать», «приступать» (ПРС, 151); в чешском *jmouti* — «захватить», «задержать»; «увлечь», «тронуть», *jmouti se* — «начать что-либо», «взяться за что-либо» (ЧРС, 189); в болгарском: *émvam* — «подхватывать», «брать», «начинать», *emvam se* — «браться»; «вызываться»; «обременять себя» (БРС, 192).

Клеть (*клить*) — «нежилая пристройка у дома, где хранят имущество, зерно». В белорусском языке: *клець* — «кладовая» (Нос., 238; БРС, 393); в украинском: *кліть* — «клетка» — обл. (Грин., 788; УРС, 11, 342), «камора» (Грин., 788), «кладовая» — обл., «шахтерская клеть» (УРС, 11, 342); в словенском: *klet* — «погреб» (СРС, 71); в сербо-хорватском: *клет* обл. — «каморка», «комнатка», «чулан», «клеть» (СХРС, 319). Памятникам русской письменности слово *клеть* — «комната», «спальня», «дом», «амбар», «постройка», «кладовая», «клетка» известно с XI века (Срезневский, I, 1227—1228; Кочин, 142).

Клюка́ — «железный прут, согнутый на конце, для перемешивания топлива в печи, кочерга»: гд'э ут'эб'а кл'укáто л'эжыт? (Пег.). В украинском языке: *кльо́к* — «деревянный крюк, колышек, деревянный гвоздь,гибаемый под прямым углом»; *кльо́ка* — «палка с крючком», «крюк» (Грин., 790). Ср. в словенском: *kljúka* — «крюк», «щеколда», (СРС, 72); в чешском: *klika* — «рукоятка», «ручка» (дверная и пр.), «щеколда», «кривошип» (ЧРС, 203); в сербо-хорватском: *кльо́ка* обл., *ку́ка* — «крюк»; «застежка», «крючок»; «закорючка», «кирка» (СХРС, 331, 362). В древнерусском языке слово *кльо́ка*, по данным И. И. Срезневского, значило — «хитрость», «обман» (I, 1230). Ср. в болгарском языке: *кльо́ка* — «сплетня»; «склока», «интрига» (БРС, 324). В значении «руль», «запор» и под. в древнерусском языке употреблялось слово *кльо́ч*. (Срезн., I, 1233).

Кут — «часть избы, предназначенная для кухни, где помещается русская печь, полка для посуды и кухонной утвари». Эта часть избы обычно отделена от остальной избы занавеской: воз'мí там фкуту́ (Лод.). В белорус-

*) Носовые *о, е* по техническим причинам обозначены курсивными буквами *а, е* без подстрочных знаков.

ском языке *кут* — «угол» (в разных значениях — БРС, 409); в украинском — то же (УРС, 11, 421); в польском языке: *kat* — «угол» (ПРС, 167); в чешском: *kout* — «угол в помещении»; «угол», «пристанище, приют» (ЧРС, 223); в болгарском: *кът* — «угол»; «дом»; «край» (БРС, 354); в сербо-хорватском: *кут* — «угол» (СХРС, 365). Древнерусское и старославянское *кутъ* — «угол» (Преобр., I, 422).

Лётось — «прошлым летом», «летом прошлого года»: л'э́тос' фс'о стойа́ло в'о́дро (Лод.). В белорусском языке: *лётась* — «прошлым летом», «в прошлом году» (БРС, 417, Нос., 274); в чешском: *letos* — «в нынешнем году» (ЧРС, 250); в словенском: *letos* — «нынешним годом» (СРС, 96); в польском: *latos* — «в этом году» (ПРС, 204); в сербо-хорватском: *летос*, *летоске* — «этим летом»; (СХРС, 376), в болгарском: *лётос*, *лятос* — «прошлым летом» (БРС, 362—367). Древнерусское *легось* — «в этом году» (Преобр., I, 490).

Обря́жаться (обря́диться) — «управляться по хозяйству, приводить в порядок хозяйственные дела: убирать комнату, топить печь, кормить скот и т. д.»: ну/ ка́жэц'ца обр'адйлас' (Буд.). В древнерусском языке слово *обрядити* имело несколько значений, среди них «устроить», «привести в порядок» (Срезн., 11, 556). Близкие к этим значения наблюдаются в современных славянских языках: в украинском: *обряжати (обрядити)* — «снаряжать» (снарядить), «устраивать» (устроить) (Грин., 1135); в польском: *obrzadzac* — «приводить в порядок», «устраивать» (ПРС, 288); в словенском: *obrediti* — «распорядиться», «привести в порядок» (СРС, 156); в сербо-хорватском: *обрéдити* — «сделать (что-либо) по порядку» (СХРС, 506); в болгарском: *редя́* — «расставляя», «раскладывая», «приводить в порядок», «строить в ряды» (воен.), «украшать», «наряжать» (БРС, 681).

Оно́вда — «недавно», «на днях»: оно́вда пр'э́тс'э́д-т'эл'от ска́зывал/ ко́н'ухом йэ́во назна́чили (Лод.); оно́вда была́ ин'т'эр'э́сна́я карти́на (Буд.). В белорусском языке: *оногд́а, оногд́ась* — «недавно» (Нос., 363); в украинском: *оногды* — «недавно» (Грин., 1163); в польском: *onegdaj* — «позавчера», «третьего дня»; *ongi* — «некогда», «когда-то», «в былое время» (ПРС, 1958, 402); в словенском: *onpa (j)* — «тогда», *onpa* — «на днях» (СРС, 176); в чешском: *onehdy* — «на днях» (КРЧ и ЧРС, 365); в сербо-

хорватском: *онда* — «тогда»; «затем»; *ондан* обл. — «послезавтра» (СХРС, 541); в болгарском: *оновá* — «то» (БРС, 483). Древнерусскому языку была известна форма *оногды* — «недавно» (Срезн., 11, 672).

Пѣстунья — «няня». Ср. в древнерусском языке *пестунъ* — «воспитатель», «руководитель» (Срезн., 11, 1789); в белорусском: *пѣстоваць* — «нянчить»; *пестўн* м. — «баловень», *пестўння* ж. (Нос., 542); в украинском: *пѣстувати*, *пѣстити* — «ласкать», *пестўнка* — «нянька» (Грин., 257; УРС, 111, 338); в словенском: *pestovati* — «нянчить»; *pestunja* — «няня» (СРС, 194); в польском: *piastować* — «нянчить», «пестовать», «выхаживать»; *piastunka* — «кормилица», «няня» (ПРС, 332); в чешском: *pestovati*, *pestiti* — «воспитывать», *pestounka* — «воспитательница» (ЧРС, 428); в болгарском: *пестѡвница* — «хорошая, бережливая хозяйка» (БРС, 524).

Полицá — «деревянная полка»: кл'учй гд'это напольц'э л'эжáт (Пер.). В белорусском: «полка», «отвал плуга» (Нос., 461; БРС, 600); в украинском — то же (Грин., 1392; УРС, IV, 88); в чешском: *police* — «полка», «стеллаж» (ЧРС, 463); в словенском: *polica* — «полка» (СРС, 211); в сербо-хорватском: *полица* — «полка» (СХРС, 642); в болгарском: *полицá* — «полка» (на стѣне, в вагоне) — БРС, 588.

Пря́сло — «кольцо из гибких веток, которым скрепляют две стороны изгороди на углу или которое надевается в качестве запора на ворота и столбы изгороди: пр'áслото изломáлос' / нáдо нѡвойэ з'д'ѣлат'. (Пер.). В украинском языке *прясло* — «часть плетня между двумя кольями» (Грин., 1604); в польском: *przesło* — «звено» (моста, забора) — ПРС, 1931, стр. 531; в чешском: *práslo* *) — «прясло»; в словенском: *preslo* — то же (Преобр., II, 145).

Чу́ять (дочу́ять) — «слышать»: ты ц'у́лали ц'то йэвѡ п'эр'эв'элй вдругѡйэ м'эсто? (Буд.); айá н'эдоц'у́ла (Лод. — «не дослышала»). Ср. в сербо-хорватском языке: *чути* — «слышать», «услышать», «слушать»; *чу́ти се* — «слышаться», «стать известным» (СХРС, 1071); в болгарском: *чу́вам* — «слышать», «слушать» (БРС, 826); в словенском: *cuti* — «слышать»; «бодрствовать»; «соблю-

*) Чешский мягкий шипящий типа *рж*, *рш* по техническим причинам обозначен буквой *r*, выделенной курсивом, без надстрочного знака.

дать законы»; «обращать внимание» (СРС, 19—20); в польском: *czuć* — «чувствовать», «ощущать», «испытывать» (ПРС, 1958; 80). Ср. *чўтко* — безличное сказуемое «слышно»: *говори́ли/ с'эво́годы откро́йут шко́лу/ дакни-ч'эво́ н'эч'ўтко* (Пег.). В белорусском языке: *чўгна и чўгно* — безличные сказуемые «слышно» (Нос., 703, БРС, 1015); в украинском: *чўтко, чўтно* — «слышно» (Грин., 2094; УРС, II, 462). Памятниками русской письменности прошлых эпох отмечен ряд значений слова *чути*, в том числе и значение «слышать». (Срезн., III, 1553).

От общеславянских корней образованы следующие диалектные слова:

Да́ром — «все равно», «не имеет значения», «ничего»: *да́ром/ йа постойу́* (Лод.). В древнерусском языке, по свидетельству И. И. Срезневского, *даромъ* (I, 632) «в дар». Ср. в белорусском языке: *дарма́* — «напрасно», «попусту», «зря», «даром», «бесплатно», «ничего», «пусть», «пускай», «ладно» (БРС, 235); в украинском: *дарма́* — «напрасно», «бесполезно», «безвозмездно», «не имеет смысла», «ничего», «не имеет значения», «безразлично», «всё равно» (УРС, I, 381); *да́ро́м* — «даром», «безвозмездно», «напрасно», «попусту», «без пользы», (УРС, I, 382); в чешском языке: *darma* — «напрасно», «тщетно»; устаревшее «даром» (ЧРС, 1959, 73); в польском: *da-remnie* — «напрасно», «безуспешно», «попусту», «бесполезно», «тщетно», «даром», «бесплатно», *darma* — «напрасно», «даром», «бесплатно» (ПРС, 1958; 84); в словенском — *dároma* — «даром», «безвозмездно» (СРС, 21); в сербо-хорватском: *дар* — «дар», «дарование», «одаренность», «талант», «подарок» (СХРС, 117); в болгарском: *даром* — «даром» (БРС, 72).

Дерю́га — «небольшая поляна в лесу, прежде на этом месте был лес»: *з'эмл'аніку собира́ли над'эр'ўг'э* (Лод.). Ср. в белорусском языке: *дэ́рци* «драть», «сечь» (Нос., 130); в чешском: *dřiti* — «драть», «обдирать», «сдирать» (ЧРС, 1959, 109); в словенском: *dreti* — «драть» (СРС, 30); в сербо-хорватском: *дерати* — «рвать», «разрывать», «драть», «раздирать», (СХРС, 126); в болгарском: *де-ра́* — «рвать», «разрывать», «царапать», «сдирать», «сечь», «бить», «изнашивать» (БРС, 150).

Ді́вно — «много»: *ун'эво́ ді́вно йа́гот* (Лод.). Ср. в белорусском языке: *дзі́вно* — «чудно», «чудесно», «удивительно», «очень» (Нос., 130); в украинском: *дй́вно* —

«удивительно», «странно» (Грин., 424); «изумительно», «поразительно», «замечательно», «чудно» (УРС, I, 402); в чешском: *divně* — «странно», «плохо» (ЧРС, 1959; стр. 86); в польском: *dziw* — «чудо», «чудише»; *dziwo* — «чудовище», «урод», «нечто невероятное» (ПРС, 1958; стр. 118); в сербо-хорватском: *див* — «великан», «колосс», «исполин» (СХРС, 129); в болгарском: *дивен* — «дивный», «чудесный», «изумительный», «удивительный» (БРС, 155).

Дивья — «хорошо», «легко»: *див'йá т'эб'э/ ут'эб'á* сын *дадо́ц'/ дак* помога́ют (Лод.); *див'йá уковó коро́вато* (Пег.). Слово *дивья* в значении «хорошо» встречается, по данным И. И. Срезневского (I, 665), в «Молении Даниила Заточника» по списку XVI—XVII вв.

Есвѣный (о человеке, животном) «обладающий хорошим аппетитом». В белорусском языке *естный* — «съестной», относящийся к пище» (Нос., 723); в украинском: *істівний-істовний* — «съедобный», «сытный», «питательный» (Грин., 735—736; УРС, II, 297); в словенском языке: *jestivo* — «яства», «пища», «корм», *jesca* — «пища» (СРС, 62); в польском: *jesc* — «есть», «кушать» (ПРС, 1958, 17); в чешском: *jédati, jidávati* «есть», «едасть» (ЧРС, 1959, 186); в сербо-хорватском: *јести* — «есть», «разъедасть» (СХРС, 309); в болгарском: *ям* — «есть», «выедасть», «разъедасть» (БРС, 89).

Жаравіха — «клюква»: *л'э́то́с' йа* бру́с'ні́цита да жа́раві́хи мно́го прин'э́сла/ дак на́фс'у́ зы́му хва́ті́ло (Лод.). Неясно, связано ли это слово по происхождению с *жар* (ср. древнерусское *жаровый, жарявый* — «горящий», «раскаленный» (Срезн., I, 860); в чешском: *заг* — «жара», «зной», «огонь» (ЧРС, 1959, 884); в польском: *заг* — «жар», «раскаленные угли», «жара» (ПРС, 1958, 802); в словенском: *заг* — «жар», «зарезо»; *zari* — «яркокрасный»; *zariti* — «раскалять», «зажигать», «освещать лучами» (СРС, 345); в сербо-хорватском: *жар, жѐрава, жѐравица* — «жар», «горящие угли»; *жа́рити* — «гореть», «обжигать» (СХРС, 173); в болгарском: *жар* — «жара», «зной», «жар»; *жа́рава* — «жар» (раскаленные угли), «жаровня»; *жа́равица* обл. — «горячие угольки» (БРС, 198), или с древнерусским *жаравь (жеравь)* — «журавль». Ср. в белорусском языке: *жураві́на* мн. ч. — «клюква» (Нос., 158, БРС, 268); *жураві́на* — «клюквина» (БРС, 268); в украинском: *журавлі́на* — «клю-

ква» (Грин., 535; УРС, I, 505); в словенском: *zerjav* — «журавль» (СРС, 345); в сербо-хорватском: *жерав* — «журавль» (СХРС, 175). Можно предполагать, вероятно, и последнее, тем более, что в ряде вологодских говоров в значении «клюква» отмечено слово *журавлика* (то-темские, Белор., 282; вожегодские, великоустюгские), *журавіка* (череповецкие, Герас., 38). Как в том случае, если слово *жаравіха* связано по происхождению с *жар*, так и в том, если оно связано этимологически со словом *журавль*, его корень является общеславянским.

Жорко́й (о человеке или животном) — «обладающий хорошим аппетитом». Ср. в белорусском языке: *жэ́рливой* — «прожорливый» (Нос., 154); в украинском: *жеретій* — «обжора», «ненасытный» (Грин., 522); в чешском: *zeřný* (прост) — «обладающий хорошим аппетитом, прожорливый» — о скоте (ЧРС, 1959, 887); в польском: *zarłoczy* *) — «прожорливый», «алчный», «жадный» (ПРС, 1958, 802); в словенском: *rozresni* — «обжорливый», «жадный»; *zeřín* — «обжора» (СРС, 223, 345).

Заво́рье, заво́рья — «большие ворота около дома, которые открывают, когда проезжает лошадь, запряженная в телегу; сделаны из горизонтальных вынимающихся жердей»: *йэ́дут в'э'т/ открыва́й заво́рьэто* (Лод.). В древнерусском языке слово *завора*, *заворъ* значило «запор на дверях», «прясло в изгороди, разбирающееся для проезда», «осадное орудие» (Преобр., I, 240; Кочин, 118). В украинском языке: *заво́ра* — «бревно для задвижки ворот»; *за́воріння* — «ворота»; *заво́рити* — «загородить» (Грин., 557). Ср. в чешском языке: *závoга* — «запор», «засов», «задвижка», «скоба» (ЧРС, 1959, 843); в польском: *zawoga* — «засов», «запор», «замок» (ПРС, 1931, 819); *zawóg* — техн. «вентиль», «клапан» (ПРС, 1958, 629); в сербо-хорватском: *за́вор* — «засов»; обл. «цепь» (служит тормозом у телеги); *завора́нь* — «цапфа»; «болт», «шкворень»; *заво́рница* — «задвижка», «засов» (СХРС, 188); в словенском: *zavornica* — «тормоз» (СРС, 338).

Задво́рье — «огород», «приусадебный участок»: *уна́с п'эсо́к наза́дво́рьито/ дак ни́ц'эво́ н'эрас'т'о́т* (Пег.). Ср. в белорусском языке: *за́дво́ркі* мн. ч. — «задворки» (БРС, 282); в украинском: *задворки, задворье* — то же (УРС, II,

*) Звук *l* средний обозначен буквой *l*.

37); ср. в чешском языке: *dvůr*—«двор» (ЧРС, 1959, 114); с тем же значением слово известно в польском: *dwór* (ПРС, 1958, 110), сербо-хорватском: *двор* (СХРС, 120), болгарском: *двор* (БРС, 143) языках.

Истоплё — «количество дров, необходимое для того, чтобы истопить печь один раз»: поді излѣт' найстопл'о! даиспї (Пер.). Ср. в польском языке: *topić* — «топить», «затоплять», «плавить» (ПРС, 1958, 633); в чешском: *topiti* — «топить», *topivo* — «топливо» (ЧРС, 1959, 700); в сербо-хорватском: *топити* — «топить», «растопливать»; «плавить»; *истопити* — «растопить»; «расплавить» (СХРС, 946, 294); в болгарском: *топя* — «топить», «плавить» (БРС, 764).

Обу́ток, обу́вка — «обувь». Ср. в украинском языке: *обу́вя обу́в* — «обувь» (Грин., 1139; УРС 111, 72); в словенском: *obúvalo, obútel* — «обувь» (СРС, 159—160); в польском: *obuwie* — то же (ПРС, 1958, 347); в чешском: *obuv* — то же (ЧРС, 366); в сербо-хорватском: *обућа* *) — то же (СХРС, 508); в болгарском: *обу́вка* — то же (БРС, 470).

Ономёдни — «дня два-три тому назад», «недавно». Ср. в чешском языке: *опо* — указательное местоимение, *den* — «день» (ЧРС, 1959, 80, 393); в польском: *опо* — «онó»; *dzien* — «день» (ПРС, 1958, 375, 116); в сербо-хорватском: *ономáдне, онóмад* — «позавчера», «недавно» (СХРС, 541).

Па́мятливый — «понятливый», «умный»: какой парни́шка па́м'атливой н'эр'эвл'ивой (Пер.). Ср. в древнерусском языке: *память* — «память», «понимание», «представление», «мысль» и т. д. (Срезн., 11, 871—873); в словенском: *rámet* — «память», «рассудок», «благоразумие», *rametni* — «умный», «рассудительный» (СРС, 189); в сербо-хорватском: *памет* — «ум», «разум»; *паметан* — «умный», «разумный», «понятливый», «толковый» (СХРС, 581); в болгарском: *па́мет* — «память»; *па́метлив* — «памятливый», «имеющий хорошую память» (БРС, 516); в польском: *ramies* — «память», *ramietny* — «памятный» (ПРС, 1958, 393); в чешском: *ramet* — «память», «воспоминание»; *rametlivy* — «памятливый» (ЧРС, 1959, 414—415).

*) Слитный мягкий звук *t'ш'* обозначен буквой *h*.

Пóжня — «трава, растущая около домов»: фс'у пóжн'у скосілі (Лод.), «ровная часть луга» (Пег.). Ср. в белорусском языке: *пoжня* — «сенокосный луг» (Нос., 452); в сербо-хорватском: *пожети* — «пожать», «сжать» (СХРС, 631); в болгарском: *жé(ъ)на* — «жать», *жé(ъ)тва* — «жатва» (БРС, 199, 202); в чешском: *zeti* — «жагва», «покос», «косьба», *зпе* — мн. — «жатва»; *znivo* — обл. «жнивье», «жатва», (ЧРС, 1959, 887, 890); в польском: *zas* — «жать», *zecie* — «жатва» (ПРС, 1958, 803).

Подв'януть — «подсохнуть»: зафтра бўди подв'ан'э/дакпосл'эзафтра загр'эпка посп'эйэ (Пег.). Ср. в украинском: *вянути* — «вянуть» (Грин., 303); в сербо-хорватском: *венути* — «блкнуть», «увядать», «вянуть», «чахнать» (СХРС, 66); в словенском: *venljivi* — «увядающий» (СРС, 321); в польском: *wiednac* — «вянуть», «увядать» (ПРС, 1958, 688).

Простой — «свободный», «ничем не занятой»: скóл'ко наро́ду йéд'э́т и фс'э прóсты кáкто (Пег.). Слово *простый* имело в древнерусском языке ряд значений, среди них значение «свободный». (Срезн., II, 1582). Ср. в белорусском языке: *прóстый* — «простой», «прямой», «свободный». (Нос., 530, БРС, 736); *апрастаць* — «освободить» (БРС, 94); в украинском: *опроста́ти* — «освободить», «избавить» (Грин., 1169); в словенском: *oprostiti* — «освободить» (СРС, 180); в сербо-хорватском: *опрòстити* — «простить», «освободить», «избавить» (СХРС, 548); в чешском: *oprostiti* — «избавить», «освободить» (ЧРС, 1959, 398).

Пы́шкать — «дышать», «тяжело дышать», «задыхаться»: друго́й рас йéл'э пы́шкат (Буд.). В белорусском языке: *пы́хаць* — «сильно дышать», «пыхтеть с напряжением», «пылать гневом» (Нос., 542); в украинском: *пíхкати и пихтіти* — «тяжело дышать, напрягаясь», «пыхтеть», «издавать звуки, выпуская газ, пар», «попыхивать» (УРС, III, 349); в сербо-хорватском языке: *пíхити* — «надувать», «вытягивать», *пíхкати* — «покуривать», «попыхивать», *пíхати (пíхнути)* — «дуть», «вонять» (СХРС, 782); в болгарском: *пъхтя* — «пыхтеть», «задыхаться», «тяжело дышать» (БРС, 650); в польском: *puszyc sie* — «надуваться», «пыжиться», «чваниться» (ПРС, 1958, 509); в чешском: *puchnouti* — «пухнуть», «набухать», «смердеть», «вонять»; *pucha* — «высокомерие», «спесь», «гордость» (ЧРС, 1959, 556).

Ярёный — «сердитый». В украинском языке: *яріти* — «гневаться» (УРС, VI, 575); в словенском: *jaгі* — «злой», «ядовитый», «бешеный» (СРС, 60); в польском: *jaгу* — «яровой», уст. «ярый», «бодрый», «крепкий» (ПРС, 1958, 174), в сербо-хорватском: *ја́рити се* — «приходить в ярость», «злиться» (СХРС, 303); в болгарском: *разярявам* — «разъярять», *разярявам се* — «разъяряться» (БРС, 677).

Среди архаических слов, присущих изучаемым говорам, отмечены и такие, которые, насколько нам удалось установить, известны в настоящее время не во всех трех группах славянских языков и, возможно, не являются общеславянскими по происхождению. Это слова, которые известны не только русскому языку или не только восточнославянской группе языков, но и некоторым другим славянским языкам.

Таковы, например, слова:

Дорóдно — «хорошо», «красиво»: *шы́пко дорóдно/мн'э* так *срóду н'эз'д'элат'* (Пег.). В древнерусском языке: *дородьный, дородьство* (Срезн., I, 708). В украинском языке: *дорóдний-дорідний* — «урожайный», «рослый», «крупный», «прирожденный», «врожденный» (Грин., 467, УРС, I, 445). Ср. в польском: *dorodny* — «дородный», «рослый» (ПРС, 1958, 87).

Зáсна — «ячневая или овсяная крупа»: *намолóли зáспы* (Буд.). Слово *заспа* в значении «крупа» находим в памятниках русской письменности XV—XVI веков (Срезн., I, 947, Кочин, 123). Изучаемым говорам известно и другое значение упомянутого слова: «мелкий град», «снежная крупа, выпадающая летом»: *зáспата ч'ут' с'т'óкла н'эвы́била* (Лод.). Это значение является, несомненно, вторичным. Мелкий град называется в наших говорах (то же в новгородских и архангельских) *заспой* на основании внешнего сходства с крупой. В белорусском языке *зáсна* — «засыпка»: круп осталось только на одну *заспу* (Нос., 185). Ср. в польском языке: *zaspa* — «сугроб», «песчаный нанос» (ПРС, 1958, 624).

Просу́жая — «скромная», «толковая», «деловая»: *уйэ́йó така́йна д'эво́ц'ка просу́жайа* (Буд.). В архангельских говорах отмечено слово *просу́ги* — «всякого рода домашняя и рукодельная работа». Отсюда *просу́жой* — «искусный», «ловкий», «проворный в работе». (Подв, 142). В обследованных говорах слово *просу́ги* не зафик-

сировано. В древнерусском языке: *досугъ*, *просугъ* — «способность», «разумение» (Срезн., I, 717). *просугъ* — «возможность» (в «Домострое»), *просужный* — «получивший возможность» (?) — Срезн., II, 1587. В украинском языке: *досугий* — «престарелый» (Грин., 474); в белорусском: *досужы* — «проворный», «заботливый» (Фасмер, I, 532). Ср. в сербо-хорватском языке: *досег* — «досягаемость», *досегнути* — «достать рукой», «добраться», «проникнуть в смысл» (СРСХ и СХР, 448).

Изучаемые говоры сохраняют ряд слов с восточнославянскими полногласными сочетаниями (на месте общеславянских дифтонгов *ор*, *ол*, *ел* между согласными) в корнях. Таковы слова: *бóлозе* — «хорошо», «благо»: *нын'э бóлоз'э* много сморóдины (Лод.).

Вóлок — «лес, окруженный деревнями, полянами, нелесным пространством»: *бабыто зац'эр'ниц'эй ввóлок пошлй* (Пег.). В памятниках древнерусского языка слово *волокъ* значило «пространство между судоходными реками, через которые суда перевозились» (Срезн., I, 291). Ср. в украинском языке: *вóлок* — «бредень», «веревка, с помощью которой тянут волами копны сена, бревна и пр.», «чурбан», «бревно» (Грин, 292, УРС, I, 288); «суша между двумя водными путями» (УРС, I, 288); в белорусском: *вóлок* — «рыболовная сеть, которую затягивают, волоча ее за собой» (Нос., 730); *вóлак* — «волок» в разных значениях (БРС, II, 155).

Долóнь — «площадка, на которой молотили зерно ручным способом». В древнерусском языке *долонь* — «ладонь». Это значение слово сохранило в белорусском (*далонь* — БРС, 230) и украинском (*долóня* — Грин., 459, УРС, I, 437) языках.

Оболокáть(ся), *оболоктй(ся)* — «одевать(ся)», «одеть(ся)»: *оболокай йэвó* (Лод.), *кабы он н'эпйл/ фс'эх р'э-б'át оболóк* (Пег.), *нач'алá оболокац'ц'а* (Буд.), *надо оболоктис' иб'эжáт'* (Пег.). *Оболóч'ка* — «верхняя одежда». В памятниках древнерусской письменности отмечены глаголы: *оболочити* — «одеть», *оболочитися* — «одеться», «облачиться» (Срезн., II, 534). В обследованных говорах употребляются также глаголы *переболокáть(ся)*, *переболоктй(ся)*, *разболоктй(ся)*, *раз(о)болóкáть(ся)*.

Обороня́ть(ся), *оборонить(ся)* — «защищаться», «защититься». В древнерусском языке: *оборонити(ся)* — «защитить(ся)» — Срезн., II, 535. Слово *оборонити(ся)*

отмечено, в частности, по данным И. И. Срезневского (там же), в Псковской первой летописи второй половины XV в. Ср. в белорусском языке: *оборóнца* — «защитник» (Нос., 351, БРС, 21); в украинском: *оборóна* — «защита», *оборонíти(ся)*, *обороня́ти(ся)* — «защитить(ся)», «защищать(ся)» — Грин., 1131, УРС, III, 50.

Огород — «изгородь»: п'эр'эл'эс' цэр'эс *огорóт* (Пег.). Памятниками русской письменности XV—XVI вв. отмечено слово *огорода* — «изгородь», «забор» (Срезн., II, 606). Ср. в белорусском языке: *огорóда* — «ограда», «защита» (Нос., 358); в украинском: *огорóда* — «ограда» (Грин., 1146), *огорóжа*, редк. *огорóда* — «изгородь» (из досок), «забор» (из камня, железа и т. п.), «ограда» (УРС, III, 88).

Суморошный — «пасмурный», «сумрачный»: д'нй стойáли сýморошныйэ/ так йа н'эходíла (Пег.). В древнерусском языке: *суморокъ* — «сумерки» (Срезн., II, 608).

В говоре отмечены слова с начальными сочетаниями *ро, ло* (на месте общеславянских *ор, ол* перед согласными).

Робить — «работать», «делать» (вýробить, зарóбить, порóбить). В древнерусском языке слово *робити* кроме значения «порабощать», «обращать в рабство» имело и значение «исполнять работу» (Срезн., III, 125). Ср. в белорусском языке: *robiць, зrobiць, наrobiць* — «делать», «работать» (Нос., 563); в украинском: *робíти* — «делать», «работать», «поступать» (Грин., 1640), «совершать», «действовать», «творить», «учинять» (чинить), «поступать», «устраивать», «прибегать», «производить», «оказывать», «предпринимать» (УРС, V, 69). Ср. в польском: *robić* — «делать», «работать», «производить», «поступать», «действовать» (ПРС, 1931, 563); в болгарском: *ра́бота* — «работать», «трудиться» (БРС, 651), в сербохорватском: *работа* — «тяжелый труд», «дело», «работа» (СРСХ и СХР, 627).

Лоніся — «в прошлом году»: лоніс'а онá приѣжжáла (Лод., Буд.), лоніс'а йáгот мно́го бы́ло (Пег.). Памятники письменности свидетельствуют о широком употреблении слова *лони* в языке XIV—XV вв. (Срезн. II, 46). Ср. в украинском языке *лони* — «в прошлом году» (Преобр., I, 468). Ср. в польском: *lonski* — «прошлогодний» (ПРС, 1931, 275); в чешском: *lonský* — «прошлогодний», *loní* — «в прошлом году» (КРЧ и ЧРС, 314); в

болгарском: *лани* — «в прошлом году» (БРС, 357), в сербо-хорватском: *лане* — «в прошлом году», *ланьски* — «прошлогодний» (СРСХ и СХР, 551).

Среди архаических слов единичны в изучаемых говорах слова, известные только в русском диалектном языке. Таково, по-видимому, слово *лыва* — «большая лужа», «озеро»: вон *лывыто йэс'/ такшт'о гус'ам н'эжыт'* (Пег.). А. Г. Преображенский (I, 482) замечает, что упомянутое слово встречается только в русском диалектном языке. Этимологические сведения о слове *лыва* находим у М. Фасмера (Этимологический словарь русского языка, II, Гейдельберг, 1955—1958, стр. 74). В значении «болото» слово *лыва* отмечено памятниками русской письменности XIV—XV вв. (Срезн., II, 63), *лывина* — «лес по болоту», XVI в. (Там же, III, Дополнения, 157).

Специфически русским (именно севернорусским) диалектным словом является и слово *рёлка* (мн. ч. *рёлки*) «мель на реке в виде небольшого островка». В древнерусском языке (в памятниках новгородской письменности): *рьль*, *рель* — «заливная луговина», «пожня», *рьлька* — «отмель»; слово зафиксировано с XII века (Срезн., III, 216), Ср. *рель*, *рьль*, *рень*, *риль* — «угодье», «отмель», «заливаемая часть речной долины» (Кочин, 300).

Отмечая слово *релка* в значении «возвышенное место», «пригорок», «холмик» в современных печорских говорах, Л. А. Ивашко пишет, что это слово является диалектизмом севернорусского происхождения. (Лексика печорских говоров. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1956, стр. 38).

Многие архаические слова сохраняют в изучаемых говорах те же значения, какие они имели в древнерусском языке. Таковы, например, кроме упомянутых выше слов: *бадо́г*, *братан*, *губы*, *дивья*, *клить*, *о́новда*, *просто́й*, *ро́бить*, *чу́ять*, слова:

Вы́шка—«чердак»: *фс'у р'абину навы́шку стаска́ли* (Лод.); *л'этом спáт' мо́жно навы́шк'э* (Буд.). Слово *вы́шка* в значении, близком к упомянутому, зафиксировано, по свидетельству И. И. Срезневского (I, 458), в Новгородской второй летописи (по списку XVI—XVII вв.).

Го́лб'ец (*го́уб'ец'*) — «подвал, подполье для хранения овощей»: *мы пришл́и кн'эй аонá вго́пц'э сид́ит/ карто́шку*

разбира́йт (Пег.). С разными значениями это слово известно многим вологодским говорам. В говорах Вологодского и Тарногского районов *гоуб'ец* (*гопцы*—мн. ч.)—«подполье», в говорах Кубено-Озерского района *гоуб'ец* (ц'), Череповецкого — *голбец* (Герас., 33), Нюксенского районов *гоуб'эц* — «ход в подполье», «западня», в говорах Вожегодского района *гоуб'эц* — «лежанка у печки» (Диалектолог. сб., II, 87), в говорах Чебсарского района (дер. Потеряево) *голб'ец* — «полати». С этим значением слово *гоб'эц* отмечено в нюксенских говорах; в говорах тотемских, по данным Белоруссова (с. 281), слово *гобвэц* имеет два значения: «род чулана в избе между печью и полатами», «деревянный помост над этим чуланом». Упомянутое слово является, по свидетельству В. И. Даля (I, 366), принадлежностью северных, восточных и сибирских говоров. А. Подвысоцкий так определяет значение слова *голбвц* в архангельских говорах: «деревянная вроде полатей приделка к печи, под которой устраивается ход в подполье (с. 32). В этом значении слово наблюдается в вятских говорах (Васн., 50). В «Опыте областного великорусского словаря» указывается, что, кроме архангельских говоров, слово *голбец* с упомянутым значением зафиксировано в костромских и тверских говорах (с. 38). Сибирским говорам слово *гогбейц* известно в значении «подполье» (Зоб., 490). В древнерусском языке слово *голбецъ*, по-видимому, значило «погреб» (Кочин, 65). Слово засвидетельствовано памятниками письменности XIV—XV вв. (Срезн., I, 541).

Доспéться — «произойти», «случиться», «совершиться»: шт'о ёто досп'элос'? (Лод.). Слово *доспетися* значило в древнерусском языке «становиться», «совершиться». В значении «совершиться» слово зафиксировано памятниками XVI века (Срезн., I, 711).

Изнури́ться — «разориться», «истратиться»: сй'эз'дила/ ниц'эвон'изнурилас'/ доц' д'эн'окто надорóгу далá (Пег.). В древнерусском языке *изнурити* — «истратить», «издержать». Слово зафиксировано памятниками русской письменности с XI века (Срезн... I, 1072).

Пóлый — «открытый», «растворенный настежь». С этим же значением упомянутое слово было известно древнерусскому языку (Срезн., II, 1148).

Рáльник — «лемех плуга». Слово *ральник* — «сошник» — зафиксировано, по свидетельству И. И. Срезневского

(III, Дополнения, 238), в памятниках XVI века. Слово образовано от древнерусского *рало* — «плуг», «соха», известного с XI века (Срезн., III, 65).

Синник — «холодная постройка для домашних животных»: *син'никот на́до почин'а́т'* (Буд.). В памятниках русской письменности XV—XVI веков отмечено слово *сеньникъ* — «сарай» (Срезн., III, 898), «кладовая, передко в составе жилого дома» (Кочин, 320).

Стая — «хозяйственная пристройка к дому, в которой живут домашние животные», «хлев»: *загна́ла ѿ ко́рову-то фста́йу/ даипоб'эжа́ла ксы́ну*. Памятники русской письменности свидетельствуют о том, что слово *стая* имело ряд значений, в том числе «хлев», «стойло» (Срезн., III, 509).

Некоторые архаические слова, сохранившись в изучаемых говорах, в процессе развития их словаря изменили свое значение. Это изменение сводилось чаще всего к сужению значений, реже — к расширению значения по сравнению с древнерусским языком. Этот процесс отмечен исследователями и в других русских говорах (см., например, Л. А. Ивашко, *упом. раб.*, стр. 144).

Примеры сужения значений слов по сравнению с древнерусским языком.

Слово *задворье* в русском языке прошлых эпох значило «место, находящееся позади двора» (Срезн., III, Дополнения, 110). В ряде говоров это значение сохраняется. Так, например, в вятских говорах *заоворка* — место, примыкающее с задов к одворице» (Васн., 78), *заодворок* — «место за одворицами» (Там же, 79); в ярославских говорах *задворки* — «место за двором» (Мельн., 69). В «Словаре современного русского литературного языка» (IV, М.-Л., 1955, стр. 402) слово *задворье* — «задняя часть двора», «скотный двор», «место за деревенскими дворами, позади изб» приводится с пометой «просторечное». В обследованных говорах слово *задворье* имеет более узкое значение: «огород», «приусадебный участок, находящийся позади дома, двора». Это же значение отмечено в псковских и тверских говорах: *за́дворье* и *задво́рье-задворок* — «часть огорода, ближайшая ко двору» (Доп., 55). В архангельских говорах повсеместно *задво́рье* — «двор» (Подв., 49); в сибирских (сургутских, курганских, тюменских — Зоб., 493) — «закрытое помещение сзади дома для птицы»; в псковских.

владимирских и пермских — *задворье*, по свидетельству В. И. Даля (I, 572—573), «задний скотный двор», «хлева под общим навесом», «зады дворов», «места за дворами, где гумна»; в сибирских — «навес», пригороженный на задах для скота».

Латка — «глиняная продолговатая с низкими краями посудина, в которой жарят мясо, картофель и т. д.». Слово наблюдается в ряде вологодских говоров: в вожегодских говорах *латка* — «посудина для теста на пироги» (Диалектол. сб., II, 88), в белозерских (Був., 287) и тарногских — «глиняная посудина для варки пищи», в нюксенских — «кушанье из картофеля с жиром». Слово известно также устюженским (Диалектол., сб., II, 25) и череповецким (б. Уломский р-н) говорам. Со значением «глиняная продолговатая посудина» слово употребляется в архангельских (Подв., 81), олонецких (Кулик., 48), новгородских, сибирских (Опыт, 100), ярославских (Мельн., 102) говорах. В вятских говорах слово *латка* зафиксировано со значением «плошка для освещения» (Васн., 121). Памятники русской письменности свидетельствуют о том, что слово *латька-ладька* значило в XIV—XVI вв. «горшок», «горнец» (Срезн., II, 12, Кочин, 169). В некоторых вожегодских говорах (например, в говоре деревни Лукьяновская) слово *латка* имеет значение, близкое к древнему, а именно «глиняная кринка».

Слово *пожня* (*пажня*) в древнерусском языке, по данным И. И. Срезневского (II, 1083—1084), «нива», «пашня», «луг», «покос». Эти значения фиксируются памятниками древнерусской письменности XII—XIII вв. Древнее или близкое к нему значение сохраняют многие русские говоры, в том числе архангельские (в архангельских говорах зафиксировано также значение: «засеянное хлебом поле» — Подв., 128), печорские («сенокосная земля», «луг» — Ивашко, 63), осташковские («сухой луг» — Копор., 128), смоленские («луга», «высокие луга» — Добр., 639). По данным «Опыта областного великорусского словаря» (стр. 166), слово *пожня* во владимирских, костромских, новгородских и пермских говорах значит «сенокос», в тверских — «сенокос близ болота на низком месте», в архангельских — «место. засеянное хлебом». В. И. Даль указывает, что упомянутое слово в значении «покос», «сенокос», «травяное место», «луг» распространено в северных и восточных говорах (III, 223).

В ярославских говорах *пожня* — «место с лесом и лугами», «пустошь», «сенокосная земля» (Мельн., 153), в пермских — «луг», «место, предназначенное для сенокоса» (Бел., 97). В обследованных говорах слово *пожня*, как уже отмечалось (стр. 130), употребляется в более узком значении: «трава, растущая около домов» (Лод.) «ровная часть луга» (Пег.).

Прясло — «кольцо из веток, которым скрепляют две стороны изгороди на углу или которое надевается в качестве запора на столбы изгороди или ворота». В памятниках русской письменности *прясло* — «звено изгороди», «часть стены» (Срезн., II, 1719—1720). Старинное значение слова сохраняется в вятских (Васн., 265), сибирских (Патк., 507), ярославских (Мельн., 169), осташковских (Копор., 113) говорах. В значении «укрепленные между двумя столбами жерди, на которые развешивают снопы для просушивания», слово *прясло* (*прясла*) употребляется повсеместно в архангельских (Подв., 142, Опыт, 183) и печорских (Ивашко, 58—59) говорах. Л. А. Ивашко (цитированная работа, стр. 58—59) отмечает, что слово *прясла*, происходящее из общеславянского источника, приобретает в печорских говорах более узкое, более конкретное значение. В значении «изгородь возле хаты» отмечено слово *прясла* в смоленских говорах (Добр., 745).

Значения ряда диалектных слов, наоборот, шире, чем в древнерусском языке, то есть в процессе развития в говорах произошло расширение значений. Приведем примеры.

Баять — «говорить», «рассуждать». Упомянутое значение слово *баять* имеет во многих вологодских говорах, в том числе в говорах череповецких (Герас., 22), нюксенских, устюженских (Диалектол., сб., II, 26), вожегодских, усть-алексеевских. В значении «говорить», «рассказывать» слово *баять* известно вятским (Васн., 10), олонечским (Кулик., 3), печорским (Ивашко, 116—117), костромским, пермским (Опыт, 6—7), сибирским (Опыт, 6—7, Патк., 487), ярославским (Опыт, 6—7, Мельн., 30), псковским (Опыт, 6—7), тверским (Опыт, 6—7, Копор., 93), смоленским (Опыт, 6—7, Добр., 20), орловским, пензенским, рязанским (Опыт, 6—7) говорам. По свидетельству В. И. Даля (I, 39), форма *баить* распространена на юг от Москвы, *баять*, *байкать*, *баивать* — на се-

вер, восток и запад. В древнерусском языке слово *баяти* имело более узкое значение: «рассказывать басни, выдумки». Слово зафиксировано памятниками древнерусской письменности с XIII века (Срезн., I, 46).

Доло́нь: 1) «ладонь», 2) «ровная площадка для обмолачивания зерна ручным способом». В древнерусском языке слово значило «ладонь» (Срезн., I, 695, Преобр., I, 185). Это значение сохраняют архангельские (Подв., 38) и олонечские (Кулик., 19) говоры. Значение «ровная площадка для обмолачивания зерна ручным способом», несомненно, вторично и является результатом метафорического переосмысления. Это значение у слова *долонь* отмечено в тотемских (Белорус., 281), нюксенских, вожегодских (Диалектол. сб., II, 87), чарозерских (Там же, I, 76) говорах из числа вологодских, а также в сибирских говорах (Патк., 491).

Поли́ца — «деревянная полка». В этом значении слово известно тотемским (Белорус., 286), велико-устюгским, вожегодским, кич-городецким говорам из числа вологодских, а также архангельским (Опыт, 167, Подв., 129), олонечским, где кроме значения «полка», слово *поли́ца* значит «замок», «вязальная доска при вязании сетей» (Кулик., 87), вятским (Васн., 230), костромским, нижегородским, смоленским, рязанским и тамбовским говорам. (Опыт, 167). В ярославских говорах отмечены следующие значения слова *поли́ца*: «полка у овина», «полка, прибитая ниже полавошника», «верхняя часть кухонного шкафа» (Мельн., 155). В. Н. Добровольский отметил в смоленских говорах слово *палі́ца* в значении «довольно толстая доска, один конец которой прикреплен к стене, а другой — кладется на столб возле печки» (стр. 573).

В древнерусском языке слово *поли́ца* употреблялось, по свидетельству И. И. Срезневского (III, Дополнения, 219), в более узком значении: «полка для установления жернова» (а не полка вообще), «лист железа». Именно это значение слово сохраняет, по наблюдениям В. И. Даля (III, 255), в сибирских говорах.

В ряде случаев наблюдались изменения значений, не сводимые к их сужению или расширению. Например, иное по сравнению с древнерусским языком значение наблюдается в наших говорах в слове *ко́поть*: «пыль»: *ко́пот'ту н'эподнима́й* (Пег.). С этим значением слово из-

вѣстно архангельским (Подв., 70), вятским, олонечким, иркутским, пермским и томским говорам (Опыт, 89). В тобольских говорах упомянутое слово значит «пыль», «мелкий снег» (Патк., 496). В. И. Даль отмечает, что слова *копоть* — «пыль» (всякого рода), *копотить* — «пылить» — являются принадлежностью восточных говоров русского языка (II, 159). В древнерусском языке слово *копѣть*, по свидетельству И. И. Срезневского, значило «дым» (I, 1282).

Среди анализируемых слов решительно преобладают имена существительные и глаголы, что объясняется их общим количественным превосходством над другими частями речи, отмечены также прилагательные и наречия. Среди существительных основное место по семантическому признаку занимают две большие группы: 1. Лексика, связанная с крестьянским бытом и сельским хозяйством, 2. Слова, связанные с природой.

Архаическая лексика, зафиксированная на территории Велико-Устюгского района, является типичной для говоров Вологодской области в целом. Таковы, например, слова *гѡлбец* (о его распространенности на территории Вологодской области уже говорилось, см. стр. 135), *завѡрьѣ* (слово наблюдается в нюксенских, белозерских — Був., 285, череповецких — Герас., 40, пришекснинских — Дialeктол. сб., II, 41, вожегодских — там же, 85 говорах); *лоніѣся* (слово отмечено в вожегодских — Дialeктол. сб., I, 13, 11, 76, 95, междуреченских — там же, I, 58, кирилловских — I, 67, 84, белозерских — Був., череповецких — Герас., 52, нюксенских говорах); *оболѡчка*, (*раз*)*оболѡкѣть(ся)*. Слова известны чарозерским — Дialeктол. сб., I, 73, устюженским — там же, II, 40, пришекснинским — II, 43, междуреченским — II, 55, вожегодским — II, 83, белозерским — Був., 287, кубено-озерским, нюксенским, чебсарским, череповецким, кирилловским говорам; *чѹять* (слово наблюдается в верховажских — Дialeктол. сб., I, 21, нюксенских, тотемских, — Пот., 23, белозерских — Був., 323, сямженских, череповецких, нюксенских говорах. Широко употребительны (преимущественно в речи старшего поколения), по нашим наблюдениям, в вологодских говорах также слова: *батѡг*, *вехѡть*, *вѡлок*, *вышка*, *гѹбы*, *долѡнь*, *жаравѣха*, *зѣспа*, *клеть*, *кут*, *лѣтось*, *лѣва*, *оборѡнѣться*, *онѡвда*, *рѡбить* и др.

Арханческая лексика вологодских говоров во многом совпадает с соответствующей лексикой других севернорусских говоров и прежде всего говоров архангельских, олонечских, вятских, ярославских, печорских и уральских. Приведем примеры.

Слово *братан* — «двоюродный брат» — употребляется повсеместно также в архангельских (Опыт, 14, Подв., 10) и олонечских, где может значить и «родной брат» (Кулик., 6), говорах. По данным «Опыта областного великорусского словаря», слово *братан* в значении «двоюродный брат» отмечено, кроме архангельских и олонечских говоров, в говорах вологодских, вятских, пермских, сибирских. В значении «брат» — в говорах архангельских и костромских (стр. 14). Упомянутое слово в говорах Среднего Урала известно в значении: «двоюродный брат», «брат», «старший брат» (Урал., 55), «троюродный брат» (Фед., 86); слово *братан* находим также в смоленских говорах в значении «большой», «крупный», о людях и животных (Добр., 38).

Слово *заспа* в значении «всякого рода крупа», «мелкий снежный град» известно архангельским (Подв., 54) и вятским (Васн., 82) говорам. В значении «ячменная или овсяная крупа» слово отмечено в олонечских, отсюда *заспеница* — «жидко сваренная в воде ячневая крупа» (Кулик., 28), и ярославских (Мельн., 75) говорах, в значении «всякая крупа» слово употребляется в печорских (Ивашко, III, 112) говорах, а также в говорах Среднего Урала (Урал, 187). По данным «Опыта областного великорусского словаря», слово *заспа* в значении «овсяная крупа» известно вологодским и архангельским говорам, в значении «крупа, всыпанная в щи или похлебку» — олонечским, в значении «град» — архангельским, в значении «метель», «сухой снег», «снежная крупа» — новгородским, в значении «молодые сосновые шишки» — вятским говорам (стр. 66). На эти же значения упомянутого слова в северных говорах указывает и В. И. Даль (I, 644). В значении «крупа» слово *заспа* зафиксировано в ряде вологодских говоров, в том числе в говорах череповецких (Герас., 41), тотемских (Потк., 227), кич.-городецких, нюксенских.

Лы́ва — «большая лужа», «болото». А. Подвысоцкий отмечает следующие значения этого слова в архангельских говорах: «лужа», «болото», «мокрая местность»,

«густой лес на болотистой местности», «куча наносной поросли в море» (с. 84). В «Опыте областного великорусского словаря» указывается, что слово *лыва* в значении «лужа» известно архангельским, вятским, оренбургским и пермским говорам, в значении «разлив воды весной» — олонешким говорам, где употребляется и форма *лывина* (стр. 106). В. И. Даль отмечает, что слова *лыва*, *лывина*, *лывка* являются северными (II, 275).

Типично севернорусскими, кроме упомянутых выше слов, являются, по данным областных словарей, следующие слова: *вóлок*, *дѣвно*, *долóнь*, *доспѣться*, *есвя́ный*, *жаравѣха*, *завóрье*, *клюка́*, *лонѣся*, *оболока́ться*, *оболóчка*, *сѹморок* и др.

Небольшая часть анализируемых архаических слов известна также говорам южнорусского наречия и среднерусским говорам. Приведем примеры таких слов.

Баять (о распространении этого слова уже говорилось, см. стр. 138—139).

Кут. В значении «часть избы напротив печи, предназначенная для кухни», слово отмечено в печорских (Ивашко, 34), а также в сибирских (Зоб., 498) говорах. Слово *кут* (и образованные от него) зафиксировано во многих гологодских говорах, например, в чарозерских (*кут* — «прихожая в избе», «угол» — Диалектол. сб., I, 37, *кѹтн'ой*, *кѹтный*, *кѹтний угол* — «угол между русской печью и окном» — Там же, 75), междуреченских (*кут* — «угол», «кухня», «спальня» — Там же, II, 56), вожегодских (*кут*, *кут'* — «задний угол» — Там же, 86, *кѹтной угол* — «задний угол»), нюксенских (*кут* — «кухня»), череповецких (*кут* — «задний темный угол в избе» — Герас., 48), устюженских (*кѹтней окошко* — «окно напротив русской печи», — Белорус., 283). В архангельских говорах зафиксированы следующие значения слова *кут*: «угол», «передняя часть печи, прикрываемая занавескою», «мережа», «вершина, оконечность залива» (Подв., 79), в ярославских — «задний угол», «часть избы у входных дверей», «место за печью в заднем углу от дверей», «пространство между устьем печи и стеной» (Мельн., 101). По свидетельству В. И. Даля, слово *кут* (*куть*, *кѹтник*) — «угол в крестьянской избе» — распространено во владимирских, ярославских, костромских, вятских, нижегородских, тверских, псковских, а также рязанских, тульских и пензенских говорах, в значении «кухня» — в гово-

рах вологодских, архангельских, пермских, сибирских, саратовских, воронежских, курских и калужских (II, 227).

Пѣстовать—«нянчить». *Пѣстунья*—«нянька». Из числа вологодских говоров эти слова отмечены, в частности, в говорах тотемских (Пот, 230) и череповецких (Герас., 66). Упомянутые слова известны архангельским (Подв., 144), олонеким (Кулик., 97) и ярославским (Мельн., 145) говорам. В вятских говорах, по свидетельству Васнецова, бытуют слова *пестовать*—«нянчить», «воспитывать», *пестун*—«медведь, который ходит с медвежатами» (стр. 267). В «Опыте областного великорусского словаря» находим *пестаться*—«нянчиться» (вологодское), *пѣстунья*—«нянька» (новгородское, пермское), *пестунья*—«нянька» (вятское), в «Дополнениях к Опыту областного великорусского словаря»—*пестун*: 1) «тот, за кем ухаживают, кого пестуют», 2) «медвежонок» (сибирское), 3) «толстый балованный мальчик» (псковское, тверское), *пестуха*—«женщина, любящая нянчить детей», 4) «дитя, девочка, которую пестуют» (псковское, тверское)—стр. 223. В. И. Даль свидетельствует, что слова *пестун*, *пестунья* являются принадлежностью северных и восточных говоров (III, 549—550). Слово *пестун* отмечено также в смоленских говорах в значениях «баловень-ребенок», «медведь-подросток, по народному преданию исполняющий обязанности няньки у медвежат» (Добр., 761).

Чуять (о распространении этого слова на территории Вологодской области уже говорилось (стр. 140)) Слово *чуять*, *чуть* в значении «слышать» употребляется в архангельских (Опыт, 260, Подв., 190), олонеким (Кулик., 134), вятских (Васн., 347), печорских (Ивашко, 133), пермских (Опыт., 260), смоленских (Опыт, 260, Добр., 992—993), воронежских (Опыт., 260) говорах. В ярославских говорах *чуть*—«слышно» (Мельн., 216). В говорах отмечены и иные значения упомянутого слова. Так, например, в ярославских говорах *чуять*—«чувствовать» (Мельн., 216), в вятских—«чувствовать обонянием» (Васн., 347), в архангельских *чуть*—«обонять», в псковских—«понимать» (Опыт, 260). В. И. Даль свидетельствует, что слово *чуять*, *чуть* употребительно не только в северных, но и в западных и южных говорах (IV, 616).

Из числа анализируемых архаических слов, кроме упомянутых выше, в южнорусских и среднерусских гово-

рах, по данным областных словарей, отмечены также: *батог, жіто, задворье, рѣбить* и др.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1) И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. Изв. ОРЯС. Ак. Наук, СПб, 1870. Белорусско-русский словарь под ред. К. К. Крапивы; М., 1962; Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, Киев, 1925; Украинско-русский словарь под ред. И. Н. Кириченко, изд. Ак. Наук УССР, Киев, I—VI, 1953—63; Польско-русский словарь, М., 1931; Польско-русский словарь, М., 1949; М., 1958; Русско-польский и польско-русский словарь, М., 1960; Чешско-русский словарь. Сост. А. И. Павлович; М., 1962; Чешско-русский словарь, М., 1959; Карманный русско-чешский и чешско-русский словарь, Прага, 1960; Болгарско-русский словарь. Сост. С. Б. Бернштейн, М., 1953; Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957; Словарь русско-сербохорватский и сербо-хорватско-русский. Белград, 1962; Словинско-русский словарь. Сост. М. Хостник, Горица, 1901.

2) А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1914, М., 1958. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, I, М., 1964. M. Vasmer. Russische etimologisches Wörterbuch I—III, Heidelberg, 1953—1958.

3) Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым Отделением Императорской Академии Наук, СПб, 1852; Н. Я. Данилевский. Дополнения к Опыт областного великорусского словаря, СПб, 1859; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV, СПб, 1880—1882, М., 1955; А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия, СПб, 1885; Г. Куликовский. Словарь областного олонечского наречия, СПб, 1898; Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора, Вятка, 1908; В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914; Ярославский областной словарь, Ярославль, 1962; Словарь русских говоров среднего Урала, Свердловск, 1964; Н. Белоруссов. Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии, РВВ, т. XVIII, № 4, 1887; М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора, Изв. ОРЯС, т. 87, № 3, СПб, 1916; Г. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы, «Живая старина», вып. II, СПб, 1899; Диалектологический сборник под ред. А. С. Ягодинского, вып. I—II, Вологда, 1941, 1942; Список тобольских слов и выражений, записанных Паткановым и Зобниным в Тобольском и Тюменском уездах, «Живая старина», вып. IV, СПб, 1899; В. Е. Агранов. Наблюдения над лексикой говоров Шольского района Вологодской области, Ученые записки Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена, т. 169, Л., 1959; С. А. Копорский. Арханческие говоры Осташковского района Калининской области, Ученые записки Калининского педагогического института, т. X, вып. 3, Калинин, 1945; М. Н. Бувальцева. Говоры Белозерского района Вологодской области в современном состоянии и истории, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1955, Приложение; Л. А. Ивашко. Лексика печорских говоров, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1956; О. П. Беляева. Местная лексика, свя-

занная с обозначением земельных участков, Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания, Труды IV зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала, вып. I, Пермь, 1964; К. А. Федорова. Термины родства в говорах Северного Урала, там же.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а) Деревни:

Буд. — Будрино, *Лод.* — Лодейка, *Пег.* — Пеганово.

б) Словари и исследования, содержащие лексический материал:

Нос. — И. И. Носович (полное наименование источника здесь и ниже см. в примечаниях) на стр. 144); *БРС* — Белорусско-русский словарь; *Болгарско-русский словарь*; *Грин.* — Б. Д. Гринченко; *УРС* — Украинско-русский словарь; *ПРС* — Польско-русский словарь; *РП* и *ПР* — Русско-польский и польско-русский словарь; *ЧРС* — Чешско-русский словарь; *КРЧ* и *ЧРС* — Карманный русско-чешский и чешско-русский словарь; *СХРС* — Сербо-хорватско-русский словарь; *СРСХ* и *СХР* — Словарь русско-сербо-хорватский и сербо-хорватско-русский; *СРС* — Словинско-русский словарь;

Срезн. — И. И. Срезневский; *Преобр.* — А. Г. Преображенский;

Опыт — Опыт областного великорусского словаря; *Доп.* — Н. Я. Данилевский. Дополнения к Опыту...; *Кулик.* — Г. Куликовский; *Подв.* — А. Подвысоцкий; *Васн.* — Н. М. Васнецов; *Мельн.* — Г. Г. Мельниченко; *Урал.* — Словарь русских говоров среднего Урала; *Добр.* — В. Н. Добровольский; *Герас.* — М. К. Герасимов; *Зоб.* или *Патк.* — Список тобольских слов и выражений, записанных Паткановым и Зобниным; *Пот.* — Г. Потанин; *Белор.* — Н. Белорусов; *Був.* — М. Н. Бувальцева; *Диалектол. сб.* — Диалектологический сборник; *Копор.* — С. А. Копорский; *Бел.* — О. П. Беляева; *Фед.* — К. А. Федорова.
